

Беседа М.С. Горбачева с Ф.-Й. Штраусом

29 декабря 1987 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас в Москве, г-н Штраус.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я уже бывал в Советском Союзе, но в другом качестве — офицера вермахта. Войну начал с Украины, был во Львове, Умани, Харькове, Ростове.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это рядом с моей родиной, на границе с тем краем, где я родился и жил. Я был на оккупированной территории пять месяцев. Запомнилось это время, г-н Штраус.

Воспоминания интересны, но надо извлекать уроки на будущее.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я помню уроки истории.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я знаю, что вы по образованию учитель древних языков и истории. Вам, видимо, известно замечательное изречение Гераклита: «Все течет, все изменяется». Его можно было бы применить и для вас, и для нас.

Ф.-Й. ШТРАУС. У него есть и другое изречение: «Война — учитель всех вещей». Так было, но теперь это неприемлемо. Мы многому научились для того, чтобы не допускать подобного впредь.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У Клаузевица есть такое высказывание: война — продолжение политики другими средствами. Если им руководствоваться, то трудно предсказать, что могло бы произойти.

Почему я вспомнил о греках и вашей профессии? После войны много воды утекло в Рейне и в Волге. Много изменилось в наших странах, в Европе и в мире. Эти качественные изменения игнорировать нельзя.

Мир стал другим. Мировое сообщество состоит из различных государств — социалистических, развитых капиталистических и огромного «третьего» мира, в котором идут сложные, бурные процессы.

К этому надо добавить, что мы оказались на новом этапе научно-технической революции с ее огромными социальными и другими последствиями. Есть очень много вопросов, которые связывают нас друг с другом и решать которые необходимо совместными усилиями во имя будущего.

Взять хотя бы экологию. У вас в связи с этой проблемой даже партия возникла. Вы немного «позеленели». *(Оживление.)* У нас партии нет, а проблемы экологические есть.

Ф.-Й. ШТРАУС. Не надо нам завидовать. С «зелеными» много хлопот, не рекомендовали бы заводить их у себя. *(Оживление.)*

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы у себя так взялись за экологию, что не успеваем принимать решения. Взялись решительно за то, чтобы сохранить памятники истории и культуры. Это общенародное дело. Люди готовы отдать последнее, чтобы сохранить старину.

В Баварии, насколько мне известно, немало исторических памятников. А как самостоятельная единица она существует, пожалуй, более тысячи лет.

Ф.-Й. ШТРАУС. Тысячу двести лет. Это примерно столько же, сколько и Россия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На будущий год будет отмечаться тысячелетие Крещения Руси. А до Крещения уже существовала Киевская Русь. Еще до Крещения было Русское государство, которое развивалось динамично, поддерживало широкие связи с Европой. Так что у нас примерно общая история.

Ф.-Й. ШТРАУС. Русская история очень многогранна. Я всегда с удовольствием выделяю для нее время. Была ведь даже польско-ягеллонская империя, границы которой простирались до Москвы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Было немало империй, начиная с Римской. Правда, от них сейчас сохранились лишь воспоминания.

Ф.-Й. ШТРАУС. Была когда-то и великая Британская империя, а сейчас от нее не осталось почти ничего. Мы, немцы, помогли ей дойти до такого состояния. Разумеется, я говорю это в шутку.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я продолжаю мысль о качественных изменениях в мире за последние 40 лет. Они огромны. А если вы возьмете наш политический, дипломатический словарь, то он засорен старыми подходами и прецедентами.

Госпоже Тэтчер я говорил: в мире все изменилось после фултонской речи Черчилля. И Британия не та, и мир уже не тот. А вы, англичане, ведете себя так, как будто в мире ничего не произошло.

Политическое мышление отстает от процессов, которые подвели человечество к новому этапу развития. Новые реальности требуют

нового подхода. Даже то, что господин Штраус в Москве, — это не рядовая новость.

Новое мышление с трудом пробивает себе дорогу. И все-таки в мире начинают думать по-новому. Это очень важно, где бы мы ни находились — в Европе, Америке, Азии. Стоит понять процессы, которые идут. Надо остановиться, оглянуться, обдумать, что делать дальше. А чтобы дело пошло легче и быстрее, необходим постоянный диалог. Потребность в нем ощущается все сильнее.

Ф.-Й. ШТРАУС. Да, с каждым днем все больше возникает потребность во взаимном узнавании друг друга, в обмене информацией.

Это веление времени, и никакая сила в мире не способна этому воспрепятствовать.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Желание переосмыслить, понять мир, где мы живем, захватывает сейчас политиков. Прежде все было просто: несколько держав командовали миром, навязывали другим свою волю. Сейчас это невозможно. Нужна деидеологизация международных отношений. Пусть каждый народ выбирает свой путь, свой строй, свою религию, свою идеологию, свой образ жизни.

Это же суверенное право каждого народа сделать свой выбор без подсказок или принуждения.

Раз мы не можем допустить конфликт, раз война неприемлема, а мир взаимосвязан в плане экономическом, научно-техническом, культурном, надо думать, как строить новые международные отношения.

Что из того, что мы — разные. Не знаю, что бы мы чувствовали, если бы не знали немецкую культуру. Это была бы ущербность для нас. Но, зная и любя немецкую литературу, музыку, зная культуру других народов, мы остались русскими, привержены своим ценностям. И вместе с тем стали другими, поскольку владеем знанием культур других народов.

Э.А. Шеварднадзе рассказал мне, что у вас была с ним вчера хорошая, реалистическая беседа. Правда, господин Штраус критиковал марксизм-ленинизм. Но это не новость. Именно Ленину принадлежат слова о том, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Как видите, г-н Штраус, коммунисты не противопоставляют себя не только своей истории, но и истории человечества. Мы ощущаем себя частью человеческой истории. А стать настоящим коммунистом не очень легко. Да и не каждому дано.

Вообще, господин Штраус, надо менять образы. Еще недавно в Германии нас рисовали с рогами на голове. А ведь именно Германия заварила кашу с коммунизмом. Маркс и Энгельс были немцами. Их

теория прошла длинный путь становления, выдержала испытания временем. Надо сейчас, как никогда, твердо стоять на почве реальностей. Игнорирование реальностей в прошлом привело к тяжелым последствиям. Если мы окажемся неспособны извлечь уроки из прошлого, то произойдет непоправимое.

В свое время Даллеса спрашивали, какое оружие будет применено в третьей мировой войне. Он сказал, что не знает, но может с уверенностью сказать, что четвертая мировая война будет вестись при помощи лука и стрел.

Я часто говорю о том, что мировое сообщество не может терять время. Нужно многое успеть. А для этого необходим реализм.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я согласен с вами. Нельзя терять время. В греческой философии есть понятие «кайрос». Оно означает возможность, которой необходимо воспользоваться, так как другой не представится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это, наверное, то, что принято именовать шансом.

Ф.-Й. ШТРАУС. Это даже нечто большее, чем шанс. В истории Европы неоднократно бывали моменты, когда «кайрос» упускался. Последствия были самые ужасающие..

Тридцатого января 1933 года в Германии к власти пришел Гитлер. Тридцать первого января мой отец сказал мне: «Гитлер стал рейхсканцлером. Это означает войну и уничтожение Германии». Мой отец оказался прав. А ведь он был простым ремесленником.

Однако прошлое остается прошлым, а внимание должно быть устремлено в будущее. Сейчас мы находимся в состоянии «кайрос». Человечество находится на пороге новой эры, живет надеждами на будущее. Эти надежды пробудились в решающей степени благодаря именно вам, господин Генеральный секретарь. Все ожидания немцев в ФРГ подпитываются импульсами, идущими из Москвы. Это факт, а не идеология. Я не коммунист, но в данном случае должен констатировать, что ваши инициативы, ваши предложения затрагивают самые сокровенные уголки человеческих душ. Вы тот руководитель, о котором больше всего говорят. Это факт, а не комплимент.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, тема советско-западногерманских отношений займет соответствующее место в нашей беседе.

Ф.-Й. ШТРАУС. Война не является продолжением политики иными средствами, а означает конец всему, что существует.

В 1956–1962 гг. я занимал пост министра обороны. 25 лет тому назад, летом 1962 г., был в Пентагоне, откровенно разговаривал с высшими чинами американской армии. По моей просьбе американцы познакомили меня с макетом, с картиной предстоящей войны, как она, по их представлениям, может пойти и чем закончится.

Мое резюме после этой информации было однозначным: после такой войны на планете Земля жить будет невозможно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Министром обороны тогда был, кажется, Макнамара. В последнее время от него приходилось слышать немало разумных вещей.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я был у него дома в Вашингтоне, беседа была очень продолжительной. Он пригласил председателя комитета начальников штабов, а я был один и все подробно записал. По возвращении я доложил об этой беседе К. Аденауэру, а кроме того, приказал генеральному инспектору бундсвера подготовить соответствующую разработку о будущей войне в применении к ФРГ. Вывод был более чем однозначным: с появлением ядерного оружия как инструмента ведения войны никаких надежд на выживание не остается.

Вчера в беседе с господином Шеварднадзе я обращал его внимание на то, что такие понятия, как мировая революция, мировое господство, «последний решающий бой», изжили себя, более не соответствуют императивам нашего времени. Это риторика, и не более. Именно так к ним и надо подходить.

Может быть, я был вчера несколько критичен, однако делал это для того, чтобы быть лучше понятым. Научно-техническая революция все перевернула. Люди стали совершенно другими, и этого нельзя не видеть.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не знаю, почему марксизму-ленинизму приписывают агрессивную доктрину.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я не говорю об агрессивности. Я говорю о мировой революции. Я воспринимаю эту теорию как известный призыв к последнему решающему бою. Если это не так, то тем лучше.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Все это в корне не так. Революция может созреть только на реальной, национальной почве. Это главное в марксизме. Если такой почвы нет, то подталкивание революции ведет к авантюризму. Экспорттировать революцию вообще неприемлемо.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мне это очень приятно услышать от вас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но так всегда было. Видимо, интерпретировать марксизм по-иному кому-то выгодно. Человечество проходит через определенные этапы в своем развитии: рабовладельческий строй, феодальный, капитализм, социализм. Марксизм сделал вывод, что все нации придут к социализму. Но это теория. Она основана на том, что общество идет вперед в своем развитии. Но когда это произойдет, — в этом веке или в следующем?..

У капитализма есть резервы, он адаптируется к меняющейся обстановке, учится.

Почему теоретики буржуазии считают, что буржуазный строй — это высшее достижение, что это рай на земле? Будущее покажет, кто прав, а кто заблуждается. Давайте жить, соревноваться, сотрудничать.

Ф.-Й. ШТРАУС. Совершенно верно, история все расставит по своим местам.

Вы, конечно, знаете, что я бывал в ГДР, Венгрии, Болгарии, а также в Румынии, хотя эта страна — особый случай. В ходе состоявшихся у меня там бесед, причем весьма откровенных, выяснилось, что капитализму присущи отдельные элементы социализма, причем порой в гораздо более развитой форме, чем в социалистических странах. Основная разница заключается в частной собственности на орудия и средства производства при капитализме. Но и здесь история примет свое решение.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Трудно пока давать оценку социализму в полном объеме. Социализм — молодой строй. Он еще не раскрыл свои потенциальные возможности.

Возьмите нашу историю. Советское государство существует лишь 70 лет. Накануне революции Россия была в катастрофическом состоянии во всех отношениях. Или крах, или другой путь. Условия для революции созрели. Надо было что-то делать. Иначе национальная катастрофа.

Ф.-Й. ШТРАУС. Согласен, что у России не было иного пути.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А что началось после революции? Сделаем беглый обзор нашей истории. Сразу же началась интервенция 14 государств. Это отбросило страну во всех отношениях. Сначала разруха, потом восстановление хозяйства, процесс социалистических преобразований.

Но пришел январь 1933 г., о котором вы вспомнили. Мы знаем, какие цели тогда были провозглашены, особенно в отношении русского народа, Советского государства. Начали готовить оборону страны к войне. Тогда было не до демократии. Вся страна была напряжена. Если бы не провели индустриализацию, не создали отечественную промышленность, нас бы беспощадно раздавила ваша бронированная машина, в составе экипажа которой были и вы.

А что нам оставила война? До Волги все было порушено. Пришлось начинать строить заново. Но нам навязали «холодную» войну и гонку вооружений. Можно болтать с трибун о чем угодно. А это жизнь, реальности. Говорю вам об этом, зная, что вы — реалист.

Все это наложило отпечаток на политическую организацию общества, на формы демократии. Мы все находились в состоянии мобилизационной готовности. В этих условиях социализм сказал только

первое свое слово в смысле развития демократии. Мы верим в свой строй. Он поднял страну и народ. Это урок истории. От добра добра не ищут, как говорят у нас в народе.

Но мы не ставим под сомнение выбор других народов. Хочу высказать главную мысль: мы привержены своему строю, своей системе, но уважаем выбор других, в том числе ФРГ. Давайте жить и сотрудничать. Чем быстрее придем к этому выводу, тем лучше. Надо уменьшить военное противостояние, укреплять доверие.

Мы не только излагаем нашу философию, но и предлагаем реальную политику. Делаем это и внутри своего общества, и на международной арене. А на Западе бытует образ «русского медведя», пытающегося наложить свою когтистую лапу.

Когда был в Вашингтоне, там тоже эта тема поднималась в печати: «Русские идут». Но на этот раз, правда, никто из окна не выбрасывался, как это сделал в свое время Форестолл.

Ф.-Й. ШТРАУС. Американцы, насколько мне известно, испытывают к вам глубокие симпатии. Журнал «Тайм» провозгласил вас «человеком года». Хотел бы воспользоваться случаем и поздравить вас с этой заслуженной оценкой.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мы сделали исторический, философский экскурсы. Это, так сказать, разминка для знакомства. А что делать дальше? Какие шаги предпринять в интересах безопасности Европы?

Ф.-Й. ШТРАУС. В вашем изображении мира есть целый ряд пунктов, с которыми можно согласиться. Есть, однако, моменты, по которым у меня иное мнение, отличное от вашего. Это касается, в частности, предыстории Второй мировой войны. Однако дискуссия на эту тему увела бы нас в сторону от основной магистрали нашей беседы. Хотя я хотел бы лишь напомнить о том пакте, который в августе 1939 года был подписан здесь, в Кремле.

Исторической истиной является и то, что политика Сталина привела в конечном счете американцев в Европу. А ведь был период, когда они вывели из Европы 90% своих войск.

Важно другое. Вы говорили о воздействии на человеческое сообщество научно-технической революции. Я считаю, что за последние 70 лет объем знаний в области естественных наук, накопленный человечеством, удвоился. До 1917 года или 1920-го был один уровень, а сейчас он превзойден вдвое. Мы проходим этап акселерации человеческих познаний. История движется поистине семимильными шагами. Войне не должно быть места, вся наша жизнь активно ей противится.

Я изучал историю не как перечень каких-то событий, а как этапы на пути развития человеческой цивилизации. Мое глубокое убежде-

ние заключается в том, что время войн и революций в промышленно развитых государствах прошло навсегда.

Сейчас ситуация такая, что мы смотрим на Восток. Как политик, повидавший многое на своем долгом веку, не могу не сказать, что мы находимся в последние годы под воздействием импульсов, которые исходят из Москвы, которые дает Генеральный секретарь Горбачев.

ФРГ, как и Советский Союз, хочет поставить окончательно крест на химическом оружии. Сложным является вопрос контроля. Но мы, наши химики могут здесь эффективно поработать.

Подписанный в Вашингтоне Договор по РСД-РМД³¹, предусматривающий уничтожение 3% ядерных арсеналов, следует рассматривать как стартовую отметку, как начало процесса сокращения и ликвидации вооружений. Иначе бы этот Договор не имел никакого смысла.

Я лично приветствовал бы, если бы разоружение началось одновременно по всем категориям вооружений. Я не являюсь приверженцем частичных решений, хотя в них, конечно, что-то есть.

Сейчас на повестке дня стратегические наступательные вооружения. Это дело в основном двух великих держав. Нас в ФРГ больше всего интересует проблематика химического оружия, сокращения обычных вооружений до возможно более низкого уровня, а также ядерных вооружений короткого радиуса действия. Я не страстный сторонник «двойного нуля», но после заключения договора об РСМД для ФРГ и ГДР главная угроза — «короткие» ракеты.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не думаю, что политик такого масштаба, как вы, безразличен к стратегическим наступательным вооружениям. Это трагивает всех.

Ф.-Й. ШТРАУС. Вы меня неправильно поняли. Естественно, я заинтересован и в сокращении СНВ. Однако главным для меня было бы процентное сокращение всех категорий оружия.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это я принимаю к сведению.

Ф.-Й. ШТРАУС. Если взять европейскую историю, то в течение 2500 лет на нашем континенте почти непрерывно велись войны. Потом наступил период после 8 мая 1945 года, когда войн не было. Появление атомного оружия, осознание тех последствий, к которым может привести его применение, делают войну невозможной.

У военных, а также у некоторых политиков есть роковая теория, заключающаяся в следующем. Если на протяжении 2500 лет были сотни войн, то весьма вероятно и новая война. Раз это так, то надо постараться ограничить ее по возможности небольшой территорией и небольшим количеством применяемого оружия.

Для нас такой подход является абсолютно неприемлемым, так как под этой ограниченной территорией могут подразумеваться лишь ФРГ и ГДР. Мы выступаем не за сокращение географических пределов вероятной войны, а за ее исключение из сознания, за устранение ее возможности. Для нас неприемлемой является любая война — тотальная или ограниченная, ядерная, полуядерная или обычная. Не допустить ее — вот то, чего мы ждем от политики. Эта задача под силу, однако, лишь политическим деятелям, а не военным. У нас с вами общий интерес — избежать войны.

Вы, г-н Генеральный секретарь, устранили многое из страха перед «русским медведем». Это колоссальный психологический прорыв. Мы всегда будем приветствовать любой шаг в этом направлении. Эту точку зрения я постоянно отстаиваю в своих подчас весьма острых дискуссиях с генералами НАТО.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я ставлю перед вами центральный вопрос нашей беседы. Вы сказали, что для СССР, ФРГ и ГДР война в любой форме неприемлема, что в случае войны этим странам будет нанесен непоправимый ущерб. Есть, правда, желающие посмотреть на это со стороны. Но пусть они не думают, что мы не в состоянии разгадать их замыслы.

Ф.-Й. ШТРАУС. Война является абсолютно невыносимым и непредсказуемым делом, вести ее нельзя.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Из этого надо делать вывод, что нужны другие отношения между СССР и ФРГ. Мы уделяем неизменное внимание развитию наших отношений с ФРГ, внимательно прислушиваемся к мнению, которое нам высказывают в Бонне. Но иногда складывается впечатление, что Федеральное правительство хочет быть более американским, чем сами американцы,

Ф.-Й. ШТРАУС. Так вести себя нетрудно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Когда Германия и России сотрудничали, в Европе был порядок. Это урок истории. Мы говорим Федеральному правительству, говорили недавно Федеральному Президенту, что хотели бы открыть новую страницу в отношениях между СССР и ФРГ. Пригласили руководителей ФРГ обдумать это. Созрело ли правительство ФРГ для новых отношений? Пока ясного ответа не слышим.

Ф.-Й. ШТРАУС. Прошу вас понять меня правильно, без какой-либо обиды. Если бы я не был уверен в том, что это ваши собственные мысли, то я бы сразу же сказал, что вы позаимствовали их у меня. Я всегда говорил, что, когда между русскими и немцами были хорошие отношения, народы были счастливы. А когда они выступа-

ли друг против друга, то это приносило несчастья и им самим, и другим народам.

Я уже говорил, что главный вывод современности заключается в том, что в последние годы объем научных познаний удвоился. Мы находимся на пороге третьей промышленной революции. Это качественно меняет ситуацию. Все идеологические споры и разногласия ни к чему не приведут.

Некоторое время назад я в откровенной беседе спросил польского министра иностранных дел, как обстоит дело с выдвинутой в свое время Хрущевым целью: к 1980 году догнать Запад, а к 1990 году перегнать его. Он мне ответил, что говорить надо о реальных вещах, а не об идеологии.

Хотел бы задать вам один смелый вопрос: каким будет Советский Союз через 10 или 20 лет в результате проводимой политики перестройки? Как вы представляете себе будущее вашего государства?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я хотел посвятить вас в наши планы, ждал вашего вопроса. Начну издалека, с проблематики разоружения.

Выдвигая свою программу избавления мира от ядерного оружия до 2000 года, мы руководствовались реальными вещами. Мы не только приглашаем к диалогу, но и переводим наши предложения в реальную политику. Это касается ядерного, химического и обычных вооружений.

Мы не наивные люди и не предполагали, что сразу же откликнутся на наши предложения. Нет, конечно! Особенно трудны первые шаги. Но их надо делать, идти по пути реального сокращения вооружений таким образом, чтобы сохранялась равная безопасность для всех — для СССР, США, ФРГ, всей Европы.

Мы считаем, что если у американцев или у западных европейцев будет озабоченность, то процесс разоружения застопорится, он не пойдет. Неприемлемо, чтобы кто-то кого-то обхитрил, обманул, обыграл. Это всегда будет вскрыто. Мы все знаем друг о друге или почти все.

Второе. Наряду с программой действий мы предпринимаем и практические шаги, проявляем гибкость, готовность идти на компромиссы.

Об этом говорят результаты Стокгольма-1. Мы пошли на уничтожение РСД и РМД, пошли на компромиссы по вопросам контроля, оставили без внимания на этом этапе ядерные потенциалы Франции и Англии. Именно поэтому договор стал возможным, и мы подписали его с Президентом Рейганом.

В повестке дня не только стратегические наступательные вооружения, но и проблема химического оружия и обычных вооружений.

Готовы и этими проблемами заниматься реалистически, идя навстречу друг другу. Надеемся, что другие не будут безучастно на это взирать, а окажут действенную поддержку этому процессу.

Ф.-Й. ШТРАУС. ФРГ является небольшой державой. Поэтому ее влияние, может быть, будет не столь значительным, как бы хотелось.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Процесс достижения договоренности по химическому оружию сейчас затормозился из-за США; к тому же они нажали на Англию. Мы в Вашингтоне прямо об этом говорили. Добились того, чтобы вопрос о химическом оружии был включен в наше совместное заявление. Поэтому так остро реагировали на принятое США решение о производстве бинарных зарядов. Мы с вами можем многое сделать в этой области. Интересы здесь совпадают. Можем выйти на конвенцию о полном запрещении химического оружия.

Готовы с вами сотрудничать и в области сокращения обычных вооружений. Повторю то, что мы сказали Президенту Рейгану: эти вооружения беспокоят европейцев. Раз беспокоят европейцев, для СССР это серьезное дело.

В политике действуем так, чтобы ни один шаг не наносил ущерба безопасности Западной Европы. Мы — сами европейцы, все будем делать, чтобы понижать в Европе уровень противостояния.

Сейчас говорят, что СССР, мол, должен сделать односторонние шаги по разоружению в Европе. Это неправильная постановка вопроса. Давайте садиться за стол переговоров, выкладывать карты. И все будет ясно, где и какой у кого перевес. Это единственно правильный подход.

Назову вам несколько цифр. У ОВД больше танков на 20 тыс., у НАТО больше ударной авиации на 1400 самолетов. У НАТО больше вертолетов. Говорят, что у стран Варшавского Договора есть перевес в Центральной Европе. Да, есть. Но у НАТО есть перевес на южном фланге, причем по всем показателям. А ведь Балканы примыкают к нашей границе.

Ф.-Й. ШТРАУС. Вы, наверное, имеете в виду балканский регион, Турцию и Грецию?

М.С. ГОРБАЧЕВ. НАТО превосходит там ОВД по самолетам фронтовой авиации в соотношении 1 : 2,6; по боевым вертолетам — в соотношении 1 : 5,8; по артиллерии — в соотношении 1 : 1,9. К чему я это говорю? Да, есть дисбалансы, есть асимметрии. Но в целом существует примерный паритет.

Мы предлагаем решать всю проблематику с помощью «пакета сокращений». Давайте ликвидируем дисбалансы, давайте отсекаем асимметрии. Готовы конкретно обсуждать эти проблемы.

Мы готовы подумать и о создании широкого коридора на линии соприкосновения двух блоков, отвести от этой линии войска в обе стороны. Здесь мы тоже готовы действовать на реалистической основе, учитывая должным образом интересы безопасности всех сторон.

Вы говорили о тактических ядерных вооружениях. Мы выражаем готовность к их полной ликвидации. То есть идем здесь на полный ноль. Учитывая, что оружие это «двойного назначения», предлагаем все это обсуждать в комплексе с обычными вооружениями.

Мы готовы взвесить и другие варианты решения этого вопроса. Думаю, ФРГ ближе к нам в этих вопросах. Вы говорили, что короткие ракеты будут падать на вашу территорию. Если бы ФРГ оказала воздействие на своих главных союзников, то можно было бы найти конструктивное решение. А вообще надо, чтобы оба блока действовали так, чтобы располагать силами, достаточными лишь для обороны и недостаточными для наступательных действий.

Вчера на беседе у Шеварднадзе вы задавали вопрос, что будет, если американцы уйдут из Западной Европы? Как мы будем действовать?

Ф.-Й. ШТРАУС. Меня интересует, как отреагирует Советский Союз, если американцы по согласованию с западными европейцами отведут часть своих войск из Европы. Будет ли это вкладом в снижение конфронтации?

Я считаю изжившей себя догмой тезис о том, что безопасность Европы невозможна без присутствия на континенте американских войск. У нас кое-кто впадает в панику, когда слышит, что американцы, скажем, подумывают вывести из Европы одну бригаду. Я придерживаюсь совершенно противоположного мнения. На мой взгляд, абсолютно противоестественным является то, что верховным главнокомандующим войсками НАТО в Европе является американский генерал.

М.С. ГОРБАЧЕВ. На эту тему я высказывался в своем выступлении в Варшаве на съезде ПОРП. Мы остаемся привержены этой позиции. Это тоже часть процесса снижения противостояния. Мы не собираемся нападать и воевать. У нас своих забот хватает. Вообще война для нас неприемлема с точки зрения наших принципов.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я вижу задачу в том, чтобы вытеснить с политического ландшафта военные элементы. Тогда несомненно легче будет решать и вопросы разоружения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. То обстоятельство, что по некоторым вопросам наши мнения совпадают, отнюдь не означает, что я их у вас, как вы сказали, подглядел. *(Оживление.)*

Ф.-Й. ШТРАУС. Я просто хотел подчеркнуть таким образом идентичность наших взглядов. Само по себе это уже большой плюс.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если это так, то я хочу задать прямой вопрос. Для нас, и не только для нас, предметом серьезных раздумий являются многие заявления Федерального правительства.

С одной стороны, мы слышим заверения о желании развивать отношения с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. Но слышим и рассуждения о «границах 1937 года», «восточных землях», нерешенности германского вопроса, восстановлении роли Берлина как имперской столицы.

Что это означает? Мы же все это слышим, в том числе и от господина Штрауса. Если это политика, то она ведет в политический и логический тупик.

Разговор об открытом германском вопросе давно стал беспредметен. Чем чаще и настойчивее об этом говорить, тем более строгие и эффективные гарантии безопасности будут требоваться для поддержания нормальной обстановки в Европе. Все эти разговоры стимулируют подозрение. Ведь если кому-то взбредет в голову реализовать это, чем все обернется?

Мы приглашаем вас идти по пути сотрудничества. Послевоенные вопросы решены. Решения несут на себе отпечаток конкретной ситуации. Оставим это истории.

Если ФРГ исходит из этого, то открываются возможности для политического, экономического сотрудничества. Резервы для политики ФРГ на Востоке, а не на Западе, и в «третьем мире». Я вас не тяну сотрудничать, а приглашаю двинуться навстречу друг другу. Вот стержневой вопрос!

Ф.-Й. ШТРАУС. Еще раз со всей убежденностью, как христианин, хотел бы подчеркнуть, что мы никогда не позволим себе попытаться решать политические вопросы с помощью насилия. Мы никогда не возьмем за меч, чтобы решать политические вопросы. Гитлер на собственной шкуре испытал, к чему это приводит.

Со всей ответственностью заверяю вас, что в ФРГ никогда не появится политическое руководство, которое будет считать, что проблемы следует решать войной или иными насильственными методами.

Будучи министром обороны, я постоянно обращался к солдатам бундесвера со словами о том, что их задача заключается не в оказании содействия в решении политических проблем, а в защите их государства от насилия. Профессия солдата, говорил я, включает в себя коренное противоречие. Обычную профессию человек осваивает

для того, чтобы ее применять на деле. А солдатам надо думать о том, чтобы их профессия никогда бы не нашла себе применения.

Что касается германского единства, то следует видеть большую разницу между исторически возникшими фактами и юридическими правовыми позициями.

Я никогда не был сторонником мирного договора. 30 лет назад мы сделали заявление, что Германия примет участие в мирной конференции только в качестве равноправной стороны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вот вы обвиняете Сталина, а он был за единую демократическую Германию. Даже предлагал выбор между НАТО и единой Германией. Вы выбрали НАТО.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я знаю об этом. Мы не форсируем вопрос о воссоединении Германии. Могут пройти и десять, и пятьдесят, и сто лет. Но мы знаем, что ключ к решению этой проблемы находится в Москве, а не в Вашингтоне.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Для истории безразлично, что записано в принятой в 1949 году Конституции ФРГ.

Ф.-Й. ШТРАУС. Идея мирного договора не нравилась мне и потому, что в случае ее реализации нам бы пришлось платить репарации.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Чувствуется истинно немецкая практичность. *(Оживление.)*

Ф.-Й. ШТРАУС. Когда я в первый раз был в Албании и беседовал с ее руководителями, то они сказали, что ФРГ обязана заплатить Албании 10 млрд долларов, если хочет установить с Тираной дипломатические отношения. Я им на это сказал, что вы можете оставаться со своим требованием, а мы останемся со своими долларами.

Мы будем и впредь придерживаться возможности единства немецкой нации в двух германских государствах и рассматривать это как задачу, возложенную на нас историей. Именно в этих рамках будет осуществляться наша «немецкая политика».

Мне в политике приходилось нелегко. До смерти Аденауэра я был вторым, а после его смерти стал первым политическим деятелем, являющимся мишенью для всевозможных клеветнических выпадов и оскорблений.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Наверное, в этом было что-то объективное. Так просто ведь не бывает.

Ф.-Й. ШТРАУС. Я никогда не считаю в этой связи виноватой лишь одну сторону. Это самокритично, я всегда так к себе подходил.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Приветствую такой подход. Главное — идем вперед, а не назад.

Ф.-Й. ШТРАУС. В 1983 году в июле я принял приглашение Хонеккера посетить ГДР для обсуждения с ним некоторых экономических вопросов. Как по мановению волшебной палочки, я из «чудовища» превратился в честного политика-реалиста, в том числе и в средствах массовой информации ГДР.

Расскажу одну анекдотичную историю. У меня есть в Галле знакомый профессор. Он мне рассказывал, что в свое время в выступлении у себя в университете сообщил, что Штраус по приглашению Хонеккера приедет в ГДР, будет с ним встречаться, беседовать, в честь него будет устроен обед. Один из «ортодоксальных» сотрудников университета заявил этому профессору, что Штраус не удостоится приглашения даже от дворника Хонеккера, не то что от него самого. Буквально через месяц я уже был в гостях у Хонеккера, а мой друг-профессор спросил своего оппонента: «Кто же теперь Хонеккер — дворник или председатель Государственного совета ГДР?».

Недавно Хонеккер был у меня в гостях в Мюнхене. Времена меняются. Не знаю, может быть, изменился и я сам. Со стороны виднее...

М.С. ГОРБАЧЕВ. По отношению к советчикам с Запада мы действуем по такому принципу: писатель пописывает, читатель почитывает, а жизнь идет сама по себе. В политике нельзя заниматься авантюризмом. Будем преодолевать консерватизм, административно-командные методы, бороться с бюрократизмом. Но через этапы не будем перескакивать. Ни с консерваторами, ни с авантюристами нам не по пути...

Будем и дальше углублять процесс перестройки. Это нужно нашему обществу. Перестройка ничем не угрожает соседям.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мы желаем вам успеха на этом пути, руководствуясь при этом эгоистическими мотивами в хорошем смысле этого понятия. Ваша перестройка объективно и субъективно способствует исчезновению чувства страха друг перед другом, Я не считаю, что внутренние реформы Советского Союза идут во вред другим странам, стимулируют, как это пытаются заявить американцы, вмешательство Советского Союза в дела других регионов...

Американцы воображают, что если они в какую-нибудь развивающуюся страну привезут томик Конституции и Библию, построят там некое подобие Капитолийского холма, то эта страна молниеносно решит свои проблемы и пойдет по пути строительства «американского образа жизни».

Мне неоднократно приходилось беседовать с американцами по проблемам «третьего мира», и я пришел к выводу, что у них об Африке,

в частности, представления такие же наивные, как у детей до школьного возраста.

М.С. ГОРБАЧЕВ. С Президентом США мы обменивались мнениями по региональным конфликтам и пришли к выводу, что у нас разные точки зрения. Наша линия заключается в том, чтобы и в Кампучии, и на Ближнем Востоке, и в Афганистане, и в Центральной Америке стремиться к достижению политического урегулирования.

Мы предложили оценить нынешнюю ситуацию. А она такова: повсюду растет стремление к урегулированию конфликтов политическими средствами. Давайте использовать авторитет и влияние СССР и США, чтобы поддержать эту политическую тенденцию. И мы не только провозглашаем этот лозунг, но и вносим конкретные предложения. Реакция американцев была, мягко говоря, нереалистической. Но к концу визита они высказались за продолжение обмена мнениями.

Должен сказать, что мы застали Америку в движении. В обществе там бродят интересные идеи.

Ф.-Й. ШТРАУС. Наша беседа носит исключительно насыщенный и всеобъемлющий характер. Мы выступаем за всестороннее развитие отношений ФРГ с Советским Союзом. В них мы видим важнейший элемент европейского политического ландшафта. Правительство Баварии чрезвычайно заинтересовано в развитии экономического и научно-технического сотрудничества с Советским Союзом. Ваши специалисты всегда у нас желанные гости, я с удовольствием вспоминаю об интересных беседах с ними.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Такое сотрудничество могло бы строиться успешно на основе взаимной выгоды. Вообще развитие экономических, научно-технических, культурных связей — это хорошая основа для укрепления доверия.

Ф.-Й. ШТРАУС. Мы исходим из того, что в обозримом времени состоится ваш официальный визит в ФРГ. Буду весьма рад приветствовать вас на день или хотя бы на полдня в качестве своего гостя в Мюнхене. На канцлера Коля мы сумеем «с баварским обаянием и нажимом» оказать воздействие при составлении программы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне приходилось бывать в ФРГ, в частности в Нюрнберге, во Франкфурте-на-Майне, в Штутгарте, в Саарбрюккене. В Мюнхене, а кстати, и в Бонне мне бывать не доводилось.

Ф.-Й. ШТРАУС. Бавария — это что-то вроде Грузии или Ставропольского края. Вам там обязательно понравится.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Надеюсь, что предстоящий 1988 год ознаменуется наращиванием конструктивного политического диалога между СССР

и Федеративной Республикой, расширением контактов и встреч между двумя странами.

Ф.-Й. ШТРАУС. Господин Генеральный секретарь, мне настолько понравился этот деловой и непринужденный обмен мнениями с вами, что я позволю себе предложить вам продолжать его в письменном виде. Надеюсь, вы не будете возражать, если я иногда, когда возникнет большая потребность обменяться мыслями, пришлю вам письмо.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Принимаю ваше предложение. Желаю вам интересных и содержательных встреч в Москве.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1